

я не отвергаю отъ себя преступную жену, а даю ей возможность исправленія, даже—какъ ни тяжело это мнѣ будетъ—посвящаю часть своихъ силъ на исправленіе и спасеніе ея“.

Онъ сознаетъ, что несчастіе жены не упраздняется этимъ рѣшеніемъ, но говоритъ: „она должна быть несчастлива, но я не виноватъ, а потому не могу быть несчастливъ“.

Легко понять, что изъ подобныхъ странныхъ мѣръ не могло выйти ничего жизнепримѣнимаго, если принять во вниманіе страсть, охватившую жену Каренина, и она не соблюдаетъ требованія своего мужа. Каренинъ рѣшается на разводъ и уже начинаетъ хлопотать, какъ вдругъ болѣзнь жены выбиваетъ его изъ намѣченной имъ колеи. Смерть жены кажется ему желанной и всеразрѣшающей, но когда онъ видитъ страданія ея, то „чувствуетъ душевное разстройство, какое-то блаженное состояніе души, давшее ему новое, никогда не испытанное имъ счастье. Радостное прощеніе наполняетъ его душу, и онъ чувствуетъ, что не имѣетъ права покидать ея, и что то, что было источникомъ его страданій, стало источникомъ его духовной радости, то, что казалось наразрѣшимымъ, когда онъ осуждалъ, упрекалъ и ненавидѣлъ, стало просто и ясно, когда онъ прощалъ и любилъ“.

Величіе его души и всепрощеніе въ особенности рельефно выступаютъ въ его заботѣ о чужомъ ребенкѣ—о ребенкѣ любовника.

Несмотря на все это, Каренинъ скоро замѣ-